

Улун с личи

— Лян Чэнь?

Ответа не последовало. Вместо него из трубки донесся еще более яростный шум — металлический грохот, напоминающий скрежет падающих торговых стеллажей.

Следом через динамик прорвался незнакомый, полный злобы мужской голос:

— Твою мать! Еще и отбиваешься? Бейте его! Сломайте этому уроду руку с татуировкой! И его брату тоже...

— Сволочи! Не трогайте брата! А-а-а! — Яростный рев Лян Чэня оборвался вскриком боли, и послышалось чье-то тяжелое дыхание.

— Алло? А Гуан? — Ань Сынянь мгновенно посуровел.

— Хозяин... Хозяин Ань, — голос собеседника наконец пробился сквозь помехи — прерывистый, хриплый, полный подавленного гнева и тяжелой одышки. — С Лян Чэнем всё... вы не... — Он не успел договорить. Послышался звук удара, телефон явно вырвали или он упал, и после резкого статического шума связь оборвалась.

Похоже, они в беде.

«Похоже, они в беде»

Перед глазами Сыняня промелькнуло лицо здоровяка — то, как он осторожно и радостно прижимал к себе блюдо с цинтуанями. Лян Чэнь был его помощником, простодушным большим ребенком, который, пусть и мыслил иногда странно, работал на совесть. Раз уж этот парень звал его «боссом», хозяин Ань чувствовал себя обязанным его защитить.

Не колеблясь ни секунды, он вымыл руки, сбросил фартук и, прихватив ключи от электроскутера, направился к выходу. Порыв ветра от быстрых шагов взметнул пряди волос на лбу; весь облик Сыняня теперь излучал властную, ледяную решимость.

— Куда ты? — Янь Чжэнь, всё это время тихо сидевший за стойкой, поднял голову и снял наушники. Его взгляд мгновенно уловил несвойственную юноше спешку.

— В лавку к А Гуаню. Кажется, у Лян Чэня неприятности, — бросил Сынянь через плечо, не

замедляя шага.

Янь Чжэнь не стал тратить время на лишние вопросы. Его мощная фигура рывком поднялась с кресла. Двумя широкими шагами он опередил хозяина Аня у двери. Раздался короткий «пик» — офицер на ходу нажал на брелок, и фары «Мамонта» приветливо мигнули, разблокируя замки.

Сынянь вообще-то собирался лететь, но, видя такую инициативу водителя, не стал возражать. Янь Чжэнь уже распахнул переднюю дверь, глядя на него спокойным, но не терпящим возражений взглядом.

— Садись.

«Что ж, так даже лучше. Сэкономлю немного духовной силы»

Сынянь впервые оказался внутри этого автомобиля, насквозь пропитанного холодной механикой и мужской энергетикой. Офицер действовал безупречно: едва захлопнулась дверь и щелкнул замок ремня безопасности, двигатель отозвался низким, мощным рыком. «Мамонт» сорвался с места, вылетая со двора Сытой Обители Бессмертных; шины на мгновение пробуксовали по гравию, подняв облако пыли, и внедорожник устремился вниз по горному серпантину.

Разбитая дорога в руках профессионала внезапно перестала быть мучением. Хозяин Ань, несмотря на легкое беспокойство, сидел в кресле вполне уверенно и даже успел оценить интерьер тяжелого пикапа.

Мужчина за рулем был предельно сосредоточен. Линии его профиля казались высеченными из камня, челюсть была плотно сжата. Руль в его ладонях словно оживал: каждый поворот, каждое ускорение совершались с точностью и пугающей грацией хищника.

Спустя пятнадцать минут перед ними вырос вход на торговую улицу.

Лавка А Гуаня находилась в глубине. Сейчас её стальные жалюзи были плотно опущены, лишь из узких щелей пробивался тусклый свет. Сынянь прислушался: яростные звуки погрома стихли, но воцарившаяся тишина была тяжелой и давящей.

«Мамонт» эффектно вильнул хвостом и замер прямо перед входом.

Сынянь и Янь Чжэнь почти одновременно выскочили из машины.

Взгляд офицера, острый как молния, мгновенно просканировал окрестности на наличие подозрительных лиц. Юноша же подошел к жалюзи, наклонился и рывком потянул за ручку — стальное полотно поддалось, приоткрыв широкий проем.

Реакция спутника была молниеносной: он тут же проскользнул внутрь, плечом подталкивая дверь вверх, чтобы Сыняню не пришлось тратить силы. Железный занавес с грохотом свернулся под потолком, открывая их взору картину внутри.

Маленькая лавка, прежде забитая товарами, но всегда опрятная, превратилась в руины.

Всюду царил хаос. Стеллажи рухнули, некоторые были смяты и искорежены. По полу лавиной рассыпались товары: раздавленное печенье, конфеты, растоптанные сигаретные пачки, пластмассовые игрушки...

Разорванные упаковки были перепачканы липкими соусами, в воздухе витал едкий, смешанный запах. Осколки стекла усеивали всё пространство, опасно поблескивая в полумраке. Аппарат для сосисок, на который вечно заглядывался пес Чэньпи, лежал опрокинутым — по нему явно прошли ноги, защитный экран из акрила полностью потрескался, сохранив на себе четкие отпечатки подошв.

В углу, у прохода в подсобку, виднелись две фигуры.

А Гуан сидел на корточках, прижимая кусок ваты к руке Лян Чэня. Великан, весь в слезах, забился в угол, словно раненый медведь, и с испугом смотрел на вошедших.

Его лицо было покрыто синяками и ссадинами, скула сильно опухла, левый глаз превратился в узкую щелку, а губы были разбиты в кровь.

— Босс?.. Босс... простите, я забыл отпроситься, — пробормотал он, дрожа всем телом. Он выглядел как ребенок, которого поймали за провинностью, — взгляд метался, полный вины и стыда.

Сынянь окинул взглядом израненное тело помощника. Его брови сошлись у переносицы, а в глубине янтарных глаз мелькнул холодный блеск. Голос его оставался ровным, но в нем чувствовалось такое давление, что воздух, казалось, стал тяжелее.

— Что здесь произошло?

— Ни... ничего... совсем ни... — Лян Чэнь инстинктивно попытался всё отрицать, но, глядя на разруху вокруг, не смог придумать оправдания. Он замялся, пытаясь встать, чтобы покаяться перед хозяином.

А Гуан раздраженно шикнул — в его жесте смешались боль за брата и досада. Он надавил рукой на плечо здоровяка, заставляя избитого парня сесть обратно.

— С-с-с! — Тот оскалился от боли, но тут же выпрямился, пытаясь казаться храбрецом. — Брат, мне не больно, честное слово... Просто мой Лазурный дракон... он расплылся.

Сынянь проследил за его взглядом. На татуированном рукаве помощника гордый прежде дракон превратился в багровое, распухшее пятно. Рисунок размылся до неузнаваемости, напоминая теперь смятую и растоптанную картинку из комикса, — от бывшего величия хозяина небес не осталось и следа.

Видимо, во время драки ему сильно выкручивали руки.

А Гуан смотрел на искалеченного дракона брата со сложной смесью чувств: ему было до слез жалко глупого парня, который защищал его ценой собственного тела, и в то же время этот нелепый «рукав» казался ему сейчас горьким и смешным одновременно. Он негромко произнес, и в его охрипшем голосе проскользнула неожиданная нежность:

— Всё в порядке, дурачок. Опухоль спадет, и я приклею тебе нового дракона — еще больше и внушительнее прежнего.

В такой обстановке скрывать правду было бессмысленно — это значило бы оскорбить интеллект присутствующих. Нужно было всё объяснить, иначе хозяин Ань мог подумать невесть что и лишит Лян Чэня работы, которую тот так любил.

А Гуан глубоко вздохнул, подавляя комок в горле и жгучее чувство унижения. Продолжая обрабатывать раны брата, он начал свой рассказ — медленно, но четко восстанавливая цепочку событий.

Настоящее имя хозяина лавки — Чэнь Сяньгуан. Лян Чэнь — сын его мачехи Хун Фан от первого брака. У них нет кровного родства, но они выросли под одной крышей и были вписаны в одну домовую книгу как братья.

Сяньгуану не повезло с отцом. Чэнь Ху собрал в себе все мыслимые пороки: пьяница, заядлый игрок и, что хуже всего, домашний тиран. Мать А Гуана не выдержала побоев и сбежала, когда сыну было шесть лет. Говорили, что она перебралась в Цзянган, — то ли погибла при переправе, то ли просто вычеркнула сына из памяти, но вестей от неё больше не было.

По законам логики такой человек, как Чэнь Ху, должен был закончить свои дни в нищете и одиночестве. Но судьба распорядилась иначе: их дома попали под государственную программу сноса. В одночасье презираемый всеми игрок превратился в богача с многомиллионной компенсацией.

Тогда он и взял в жены красавицу-вдову Хун Фан, мать Лян Чэня.

Появились деньги, появилась красивая жена, но пагубная страсть к азартным играм не исчезла. Напротив, она разгорелась с новой силой. Чэнь Ху стал частым гостем в казино Макао.

Его настроение целиком зависело от выигрыша. Пока потери были невелики, он еще походил на человека и даже иногда играл роль заботливого отца. Но стоило ему по-крупному проиграть или, наоборот, сорвать куш, он напивался до беспамятства. И тогда просыпался зверь — жестокий и беспощадный.

Мать Лян Чэня была женщиной тихой и набожной. Она свято верила, что сор из избы выносить нельзя, боялась позора и ни разу не заявила в полицию. Несколько лет жизни в постоянном страхе подкосили её здоровье. Она сгорела от внезапной болезни, так и не дождавшись помощи.

В тот год Сяньгуану было тринадцать, а его брату — одиннадцать.

Смерть жены ничему не научила Чэнь Ху. За несколько лет он промотал все деньги. Игрок никогда не признает своей вины — он всегда ищет, где бы перехватить средств, чтобы отыграться. Сначала он обирал родственников, пока те не начали шарахаться от него как от чумы. Тогда он пошел к ростовщикам.

Проценты росли как снежный ком, долги стали неподъемными. Не в силах расплатиться сам, он решил, что долги отца — это долги сыновей.

— Сегодняшний визит, — голос А Гуана звучал тускло и безжизненно, словно он рассказывал чужую историю, — это было предупреждение от коллекторов. Этот старый козел привел их сюда. Сказали, что если к концу месяца не выплатим часть процентов, погромом мы не отделаемся.

Рассказчик замолчал и поднял взгляд на Сыняня. В его глазах читалась мольба, слова стали путаться от волнения:

— Хозяин Ань, мой брат... он не очень сообразительный. В детстве он часто получал за меня, врачи сказали — травма мозга, интеллектуальная регрессия. Но он не дурак! Просто он видит мир иначе, иногда путает сказки с реальностью. Но он так любит работать у вас! Говорит, что вы красивый и добрый, что цветы в вашем саду — самые чудесные на свете, а еда такая вкусная, что можно язык проглотить.

Сяньгуан отчаянно пытался защитить великана, понимая, насколько важна для того эта работа. Голос его задрожал:

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Это наши семейные дрязги, мы сами со всем разберемся. Мы никогда не навлечем беду на ваш дом. Только не прогоняйте его...

Он замолчал, не в силах продолжать. Сяньгуан прекрасно понимал: кому нужен работник с багажом проблем и особенностями развития? Если бы он сам искал помощника в лавку, он бы тоже не выбрал Лян Чэня.

Сынянь слушал молча. Его взгляд переходил с одного брата на другого.

А Гуан был худощавым и невысоким — видимо, сказывалось недоедание в детстве: лучшие куски он наверняка отдавал Лян Чэню. Благодаря этому тот вымахал под метр девяносто, став горой мышц. Но сейчас этот здоровяк был покрыт синяками, в то время как Сяньгуан остался невредим — младший брат, так боящийся боли, закрыл его собой, приняв все удары на себя.

Эта преданность, зародившаяся в грязи и насилии, сияла сейчас чистым золотом. В душе Сыняня, прожившего в одиночестве три сотни лет, шевельнулось давно забытое чувство сострадания.

— ...Так это ты старший брат? — внезапно произнес юноша, глядя на Сяньгуана. Его лицо было куда моложе и тоньше, чем у Лян Чэня. — А я-то гадал, почему ты зовешь его «Старина Лян». Думал, он намного старше тебя.

Он пошутил тихим, спокойным голосом, пытаясь разрядить обстановку.

Но на глазах хозяина лавки внезапно выступили слезы. Он поспешно опустил голову и вытер их рукой.

— Он с детства был огромным, — А Гуан попытался улыбнуться. — Всегда хотел казаться взрослым, вот и просил так себя называть. Думал, это солидно...

На самом деле причина была куда печальнее.

После смерти Хун Фан наступили черные дни. Чэнь Ху либо пил, либо играл, бросив детей на произвол судьбы. У них часто не было даже куска хлеба. Однажды Сяньгуан от голода едва мог подняться с холодного пола. Двенадцатилетний Лян Чэнь, глядя на изможденного брата, вдруг неуклюже хлопнул себя по груди: «Брат, не бойся, я заменю тебе мамушку! Я ведь тоже ношу фамилию Лян...»

«Брат, не бойся, я заменю тебе мамушку! Я ведь тоже ношу фамилию Лян...»

(В китайском языке слово «Лян» — 亮 — созвучно со словом «мать» — 娘 — нян).

Ему казалось, что если у них будет хоть кто-то, кого можно звать «мамушкой», им станет легче. С тех пор он и требовал, чтобы его звали «Стариной Ляном». Постепенно всё село привыкло к этому прозвищу. Но А Гуан не стал рассказывать об этом — незачем было лишний раз давить на жалость.

Пока хозяин лавки справлялся с чувствами, Янь Чжэнь, молча обследовавший помещение, нашел за перевернутым стеллажом погнутый кусок арматуры и несколько окурков, не принадлежавших братьям.

Он аккуратно убрал их в пакет и холодно произнес:

— Вы обращались в полицию? Дети не обязаны платить по долгам родителей, тем более по незаконным кредитам. Вы — независимые личности. Нужно взять документы о родстве и написать заявление о преследовании.

— В полицию? — А Гуан горько усмехнулся. — Я дорогу в участок знаю лучше, чем в школу. Толку-то? Полицейские придут, разгонят их, а завтра те пришлют других, в другое время. К тому же этот мерзавец должен не только бандитам, но и куче родственников. Он-то честь потерял, а нам с братом еще в глаза людям смотреть.

«Но нельзя же позволять им так себя терзать»

Сынянь посмотрел в глаза А Гуана, полные безнадежности, и на побитое, несчастное лицо Лян Чэня. Решение было принято.

Он едва заметно шевельнул пальцами, выпуская две тонкие нити духовной энергии. Словно невидимые щупальца, они скользнули к телам братьев, проверяя их суть.

«Надо же, какое совпадение...»

Оба оказались обладателями смешанных духовных корней пяти стихий. У Лян Чэня преобладала земля — его аура была тяжелой и надежной, как скала. У Сяньгуана же доминировала вода — его энергия была более гибкой и прозрачной.

Поистине, небеса распорядились мудро. Не будучи родными по крови, эти двое, поддерживавшие друг друга в жизненной трясине, оба имели дар. И им суждено было встретить Сыняня — практика, вернувшегося на Землю.

«Видно, такова воля судьбы»

Хозяин Ань больше не колебался. Он всегда следовал зову сердца.

Минуя осколки и пятна на полу, он вышел на середину лавки и прикрыл глаза.

В то же мгновение от него разошлась невидимая, заставляющая сердце трепетать волна духовного давления. Воздух в помещении стал плотным и вязким. Полы его белого кителя шевельнулись без всякого ветра, едва заметно приподнимаясь.

Изумрудно-зеленая лоза, окутанная мягким сиянием, беззвучно вынырнула из пустоты за его спиной. Она обвила ручку жалюзи и резко дернула вниз.

С грохотом стальное полотно упало, отрезая магазин от уличного света и случайных глаз. В тусклом электрическом свете фигура Сыняня словно подсветилась изнутри нежным ореолом.

То, что произошло дальше, заставило Сяньгуана и Лян Чэня буквально окаменеть. Даже Янь Чжэнь замер, не в силах отвести взгляд от открывшегося ему чуда.

Шух! Шух! Шух!

Одна за другой — десять, сто, тысячи ярко-зеленых побегов, словно пробужденные лесные духи, начали прорастать из пустоты, из-под ног юноши, из-за его плеч. Разные по толщине, они извивались в воздухе, излучая мягкий, живой свет. Зеленые отростки переплетались за спиной хозяина, напоминая образ многорукой богини Гуаньинь.

Каждое растение обладало собственной волей!

Несколько самых мощных побегов, действуя слаженно, словно щупальца осьминога, обхватили поваленные стеллажи. Под аккомпанемент скрежета выправляемого металла они легко подняли тяжелые конструкции, выпрямили их и с идеальной точностью поставили на прежние места.

Другие лозы расправили листья и, словно профессиональные уборщики, принялись собирать осколки стекла. Листья сворачивались, бережно укрывая острые края, а затем ловко отправляли опасный мусор в ведро.

Разлетевшиеся по углам конфеты и игрушки были аккуратно собраны тонкими усиками и бережно возвращены в пластиковые коробки на полках.

Некоторые отростки вели себя как озорные дети: один из них уткнулся в разорванный пакет чипсов, издавая тихое шуршание, словно удивляясь необычному запаху.

Но самым невероятным было другое.

Опрокинутый аппарат для сосисок подняли две лозы. У тонких нитей, выросших из стеблей, на концах заплясали зеленые огоньки. Они коснулись глубоких трещин на акриловом куполе.

Словно невидимые ткачи, они начали сплетать края разломов, выделяя прозрачное, но невероятно прочное вещество. Осколки сами вставали на места, и на глазах изумленных людей трещины исчезали. Всего через несколько мгновений дыра пропала, уступив место новому прозрачному слою, в точности повторявшему форму прежнего. Даже старые царапины исчезли под воздействием этого волшебного полировщика. Новый купол сиял в свете ламп, словно только что с завода.

В маленькой лавке словно свершилось великое таинство. Стеллажи стояли ровно, стекла

исчезли, товары вернулись на места, а вещи стали как новые. Даже тяжелый, застойный запах был вытеснен свежим ароматом леса и трав. Прошло от силы пять минут, но заведение было не узнать — оно стало чище и уютнее, чем когда-либо. Весь интерьер наполнился непередаваемым ощущением гармонии.

А Гуан и Лян Чэнь замерли как изваяния. Их рты открылись так широко, что туда могло бы пролезть гусиное яйцо. Даже Янь Чжэнь потерял дар речи. Он стоял у входа, и в его глубоком взгляде читалось потрясение и жгучая жажда силы. Спутник впервые воочию увидел, на что способен хозяин Ань. Какое там «совершенствование истины» — это была чистая магия!

Один из побегов, обвив стакан, набрал в него воды из кулера и протянул великану. Край стакана, где раньше была щербинка, теперь был аккуратно оплетен тонким кольцом из лозы, превратив дешевую стекляшку в подобие антикварного кубка.

Тихо, словно упала капля росы, на поверхность жидкости с листа соскользнула прозрачная капля. Простая вода мгновенно наполнилась сладким ароматом трав.

— Выпей это.

Сынянь заговорил негромко. Его голос был спокойным, но в нем чувствовалась неоспоримая мягкая сила.

Помощник, словно замороженный этим голосом и запахом напитка, неосознанно протянул дрожащую руку, взял стакан и в несколько глотков осушил его.

«Как вкусно...»

Это была обычная вода, но она казалась слаще и ароматнее, чем самый лучший улун с личи в его жизни. И едва влага попала внутрь, случилось чудо! Боль мгновенно отступила. Синяки и отеки на его теле начали таять на глазах, возвращая коже её естественный цвет. От побоев остались лишь пятна пыли.

Лян Чэнь, еще не успев вытереть слезы, с недоверием пошевелил левой рукой, потрогал скулу и веко — боли не было! Совсем!

Дрожащей рукой он сжимал стакан и смотрел на Ань Сыняня снизу вверх, как на божество.

— Вы... вы небожитель?